

Игорь Морозов

Ни о чём

История одного полёта

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

книга первая

18+

Игорь Морозов

Ни о чём. История одного полёта

<https://litres.ru/74248019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ты когда-нибудь просыпался и не знал, где ты — в реальности, в полёте или во сне?

Егор живёт между этими двумя мирами. В одном — пустой внешний мир. В другом — она. Рыжие волосы, веснушки, блокнот и тишина.

Он не знает, кто она. Он не знает, почему она ушла.

Он помнит только её запах.

«Ни о чём. История одного полёта» — роман-состояние о том, что остаётся после. О потере, которая становится жизнью. О том, как мы создаём мир, чтобы не потерять тех, кого уже нет.

Содержание

1	4
2	9
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Игорь Морозов

Ни о чём. История одного полёта

«Я вижу сны.

*Иногда мне кажется,
что это единственное
правильное занятие
на свете.»*

— Руками Харакири

1

Солнце приятно ласкало моё лицо. Облака лениво пробегаются по небу: пушистая белая собачка вот-вот норовила звонко гавкнуть, прыгая из стороны в сторону.

Она лежала рядом и смотрела прямо на меня; опавшие листья мягко шелестели вокруг. Её глаза отражали неровности неба. Я мягко держал её за руку...

— Молодой человек, вы будете обедать?

Вздрагнув, я резко посмотрел в сторону. Ощущение при таком пробуждении — как тошнота после той самой карусели в детстве.

Светлые волосы, чистое лицо, вопросительный взгляд. Кажется, это была девушка. Точно, я же в самолёте!

Стюардесса продолжила смотреть на меня так, будто я украл у неё сумочку в толпе прохожих, пока её помощник обслуживал пассажиров напротив.

– Извините, очень тяжелый день, только сел и сразу же вырубился... – начал оправдываться я.

– Сегодня подают рис с мясом и гречку с тефтелями, что вы будете? – спросила девушка, не замечая моих слов.

– Рис с мясом, пожалуйста.

Блеск фольги, помидорки, кусочек сыра и крупица хлеба. Желудок ныл от голода, поэтому я приступил к быстрой «трапезе», забивая рот осколками еды.

– Спасибо большое, что разбудили – спутанно сказал я своей стюардессе, передавая мусор.

Мухи мирно жужжали вокруг, вдалеке слышался шум прибоя, а мы всё так же лежали и не двигались. Она опять меня не видела. Всё время только и делала, что записывала что-то в блокнот, ненароком всё же вспоминая о моём существовании.

– Ты как глоток свежего чая в зимнюю бурю.

– А ты – как тот луч на восходе солнца.

Пародия на дешёвую мелодраму была одним из наших самых любимых занятий. Мы бесшумно смеялись и потягивали пиво, напрочь забыв обо всём на свете.

– Почему ты куришь? – спросила она, когда солнце понемногу начало тускнеть.

– Потому что дым от сигарет всегда навевает мысли о тебе.

– Дурак! Нашёл причину для того, чтобы закашливаться.

– Видишь, даже ангелы могут заставлять людей делать ужасные вещи!..

– Думаешь о ней? – окликнула меня вновь подошедшая стюардесса, когда я уже начал понемногу дремать.

– Думаю о ком?

– О своей первой любви.

Но откуда она узнала?

– Извините, пристегнитесь, пожалуйста, мы входим в зону турбулентности.

Турбулентности?

– Да-да, конечно, сейчас пристегнусь.

Надо же было так ослышаться. «Первой любви?». А было ли это любовью? Было ли вообще что-то в моей жизни?

Я ухмыльнулся и достал свой пожёванный блокнотик вместе с ручкой из внутреннего кармана пальто.

«14 мая.

Сел в самолёт. Ослышался стюардессу. Подумал о первой любви.

Облака легли пеленой под нами, а солнце ярко светило через толстое окошко.»

Я постучал ручкой по блокноту.

«Почему я думаю о тебе именно сейчас?»

Мы сидели с ней на крыше, она неспешно потягивала сигарету, выдыхая серые шары дыма. Землю будто завернули в один большой пластиковый пакет, и солнце мутно окрашивало облака в розоватые оттенки.

Я немного придвинулся к ней, ноги свисали и тянулись вниз. Её волосы пропитались дымом, но даже через него я чувствовал запах её тела. Её запах.

– А почему куришь ты? – спросил я её, вспоминая ту нашу встречу.

– М-м-м... чтобы не думать о тебе каждый раз, когда я курю.

– Эй, это нечестно! – я действительно так считал. – Кто же тогда будет думать обо мне в это время?

Она потушила окурок и бросила его вниз. Он бесшумно упал в сладкую траву.

– Девушка, которая прошла мимо нас в кафе. Вот она и будет думать!

Я напыщенно отодвинулся от неё и посмотрел в сторону горизонта. Мы глупо рассмеялись от такого противного диалога. Вдалеке сверкнула молния, и через полминуты до нас донёсся приглушённый грохот.

Захотелось курить.

Я отстегнул ремень и пошёл в сторону туалета. Мужчина, сидевший рядом, вопросительно посмотрел на меня, но не сказал ни слова. Шаг, шаг, шаг, толчок.

«Входим в зону турбулентности.»

Чёрт, точно.

Мы лежали в снегу, прерывисто выдыхая пар изо рта. Зачем она меня толкнула? Мы уже собирались расходиться...

Снег был мягким и тёплым, её глаза сверкали, отражая свет висящего над нами фонаря. Мы лежали в огромной белой куче, снежинки одна за другой падали вокруг, а сквозь тёмное небо проблёскивали яркие силуэты далёких звезд.

– Потому что эта куча снега так и просила повалиться в ней! – словно прочитав мои мысли, ответила она, набирая воздух в лёгкие между каждым написанным словом на мокрых листах блокнота.

Я вернулся на своё место и взял леденец из другого кармана пальто. Он был со вкусом приторной вишни.

Я же больше не курю.

О ком же она думала тогда, на крыше? И каждый раз, когда доставала сигарету? Она никогда не писала об этом, каждый раз отшучивалась и всё продолжала смотреть в пустоту за моей спиной.

Я встретил её случайно.

Тогда моросил дождь. Начинало светлеть, а я всё бродил по улице после бара. Голова немного ныла, но мне хотелось идти дальше и дальше. А тело, как обычно, сбивало с пути.

Я плыл по улицам. Фонари потухали один за другим.

Всё же усталость от пива дала о себе знать. Я зашёл в голый парк и приземлился на липкую от дождя скамейку. Достал из кармана пальто пачку сигарет и закурил. Мир всё ещё спал мёртвым сном, не было видно ни одного человека, кроме меня. Я был один как Уилл Смит в том фильме. Хотя стоп, у него же была собака. Тогда как тот дедушка из корейского фильма, он тоже курил в парке ровно по одной сигарете каждое утро.

Чтобы изменилось, если бы все люди пропали из этого мира? Где бы они тогда оказались, если не здесь? Кто бы тогда убрал все эти опавшие листья с тропинки?

Мои мысли испортил подошедший голос.

– Извините, у вас не будет сигареты?

Рыжеватые волосы, слишком много веснушек на лице и

черное пальто, прикрывавшее от осеннего холода, выдавали девушку, вставшую рядом.

– Да, конечно.

Я протянул ей сигарету. Она чиркнула спичкой и уже через мгновение сидела рядом со мной, выпуская клубы дыма.

– Думаешь о своей первой любви? – сказала она через некоторое время (я так долго не спал, что уже не ощущал его ход).

Этот вопрос показался мне каким-то нереальным. Кто будет подходить к незнакомцу и спрашивать у него такие вещи?

– Первой любви...? Нет, сижу и думаю об Уилле Смите.

– Уилл Смит? А в каком именно фильме?

– «Я – легенда», где он выживал в зомби-апокалипсисе со своей собакой.

– Зомби-апокалипсис...? Когда-нибудь я посмотрю его, – пообещала она после небольшого раздумья.

Тон её голоса показался мне странным.

Мы просидели вместе с девушкой ещё какое-то время, не проронив ни слова, доставая одну сигарету за другой. Мне хотелось думать, что мы мыслим об одном и том же. Общаемся молча.

Спустя некоторое время девушка закончила курить и подняла голову наверх. Дождь закончился, и теперь тяжёлые тучи плавно уплывали плакать в следующий город. Выглянул исчезающий месяц. Мир всё ещё спал, и мы с ней были на

границе между реальностью и царством Морфея, глаза начинали слипаться.

Я открыл глаза. Незнакомый серый потолок смотрел на меня, я лежал на полу.

Не знаю, почему она молча отвела меня к себе, легонько дёрнув за мой рукав. Не знаю, почему я пошёл за ней, не знаю, почему так и не сказал ей ни слова.

Окно просверливали желтоватые лучи вечернего солнца. Голова немного трещала, в горле пересохло, поэтому я встал выпить воды. На кухне взял кривую глиняную кружку (по всей видимости, её сделали вручную) и стал осматриваться.

Квартира не представляла собой ничего особенного: спальня с двуспальной бежевой кроватью и тумбочкой неподалёку, шкаф на другом конце и маленькая кухня, расположившаяся в стороне. В центре комнаты висела поблёкшая люстра, которую не включали лет так двадцать, а около прихожей находилась дверь в ванную.

Она мирно сопела на кровати, разбросав рыжие локоны вокруг.

Бегло всё рассмотрев и понаблюдав за своей новой спящей подругой, я стал провожать увядающий свет улицы из окна, полностью забывшись, как это всегда бывает по осенним вечерам.

Река неспешно текла вдоль двух улиц, над ней по мосту проезжали редкие машины. Вода была похожа на тягучую

смолу, не было видно дна, а края расплывались в подступающей темноте. «Молочная река, кисельные берега» – вспомнилось мне из детской сказки. Интересно, какая на вкус смола у разных деревьев?

Я снова убегал от реальности в запутанном клубке мыслей.

Простояв так неизвестное количество времени, я услышал лёгкий скрип кровати, расходящийся по комнате, и обернулся. В комнате загорелся свет ночника, она сидела на краю и, чиркнув спичкой, зажгла две сигареты, протянув мне одну из них.

«Я сидела на кровати, а он стоял напротив, облокотившись на подоконник. Мы курили.» – написала она на одной из страничек своего блокнота и показала мне.

Захотелось поесть.

Порывшись в холодильнике, я нашёл пару яиц, помидор последней свежести и немного зелени, закинул всё это на сковородку и залил молоком. По комнате расплылся грязный запах кофе, который она варила на плитке рядом.

Стола не было, поэтому мы решили позавтракать прямо на полу. Она расстелила старую скатерть и села напротив меня в позе лотоса. Мы поели.

«Почему она молчит? Почему молчу я?»

Когда с завтраком было покончено, она с сытым видом переместилась на кровать и достала из тумбочки Достоевско-

го (в то время как я продолжил облакачиваться на подоконник). «Униженные и оскорблённые» – написала она на том же блокноте и похлопала рукой рядом с ней, приглашая меня. Её волосы были грубо собраны в домашний пучок, она сидела в бледно-жёлтой футболке и мягких протёртых штанах, на ушах виднелись серебряные серёжки.

Я сел рядом. На улице потемнело окончательно, только иногда комнату озарял свет проезжающих мимо фар. Она открыла книгу на какой-то странице, и мы принялись молча читать её. Я делал это немного медленнее, поэтому каждый раз в конце страницы она легонько постукивала своим пальцем по моей коленке. Дождь так же легко и неспешно стучал по тихой земле.

Когда Валковский допивал вторую бутылку вина, у меня затекла спина. Я лёг на ту сторону кровати, а она мягко приземлилась с этой – у окна.

Я бегал глазами по строкам, все они слились в одну большую, тягучую строчку. Меланхолия, которую показывал Достоевский, проникала в мои лёгкие при каждом вздохе, растекалась по её веснушкам. Она окутала нас, и мы не заметили, как книга, упав на пол, недовольно зашелестела.

...Рыжая девочка вела меня вглубь леса, прочно схватившись за мой мизинец. Её волосы были настолько кудрявыми, что хотелось утонуть в них. Мы шли *куда-то*, постоянно

оглядываясь по дороге. Не было видно абсолютно ни черта. Тьма танцевала покачивающимися макушками сосен.

Спустя несколько минут я стал замечать, что моя маленькая спутница с каждым шагом становилась немного выше, чем была секундой ранее, пока её глаза наконец не поравнялись с моими. Мы остановились – она показала блокнот, на котором ничего не было написано. Я вопросительно взял его в руки, посветил фонариком – ничего (я изначально знал, что он был пустым). Я посмотрел на неё ещё раз. Два серых глаза смотрели сквозь меня, и где-то вдалеке проскользнул луч горячего солнца...

Я снова проснулся. Уже знакомый серый потолок смотрел на меня, я лежал на кровати, укутавшись взявшимся из ниоткуда пледом. Пробившийся в окно луч света облокотился на моё лицо. Я лежал один.

Захотелось в туалет. Я взглянул в хвост самолёта – очередь из пары человек давила на мой мочевого пузырь. Парень спереди опрокинул спинку кресла, больно ударившую в колено.

Уилл Смит, две сигареты и Достоевский – я даже не знал её имени. Всё, что у меня было – её номер, оставленный на вырванном клочке бумаги, без подписи.

Наступила зима.

Мы виделись время от времени. Я звонил на этот номер, она отвечала, молчала пару секунд и сбрасывала трубку. Тем же вечером, идя после работы, я заглядывал в одну и ту же пекарню и брал уценённую выпечку. Проходил в парк, садился на ту самую скамейку и ждал её прихода.

На третью встречу мы переспали. В тот вечер небо было особенно затянуто, а её приглушённые стоны разбегались по комнате, как тараканы. Почему-то в тот момент я представил именно маленькие, прерывистые полоски жучков (спустя время я так и не смог убрать этот образ из головы).

Она ушла в туалет, я взял с тумбочки блокнотик и нарисовал силуэт таракана на открытой странице. Когда девушка вернулась и взглянула на неё, мой таракан был старательно перечёркнут.

Она была прекрасна. Её пухлые, потрескавшиеся на морозе губы, держали мой взгляд. Запах её тела отдавался той небольшой теплотой внутри меня, и после секса мы лежали рядом несколько часов без движения.

Крупницы снега тарабанили о стекло, она едва слышно дышала.

«Почему я здесь?»

Потому что она привела тебя сюда.

«Где я нахожусь?»

Разве это важно?

«Кто она для меня?»

Этот вопрос ввёл меня в ступор. Действительно, я лежу в постели с незнакомой девушкой, которая за всё время нашего «общения» сказала всего пару слов, в основном же записывая все свои мысли на бумаге.

«Потому что я люблю тишину» – протянула она мне блокнот.

Я покрутил его в руках. Первая декабрьская метель завывала снаружи, хлопая старыми створками. Я взял ручку и отстранённо написал ниже: «Напиши своё имя».

«Просто Мира»

«Просто Егор» – передразнивая её, вписал я.

Мира слегка улыбнулась и игриво посмотрела на меня. Приблизилась совсем близко, так, что её дыхание почти обжигало. Мы переспали снова.

Метель начала затухать; она взяла книгу с подоконника и чирикнула ручкой:

«Чехов»

Я посмотрел на обложку. «Сборник рассказов». Мира открыла его где-то посередине, и мы начали читать «Человека в футляре». Ночник светил тусклым светом.

«Каракули» – написал я, когда она перевернула последнюю страницу. Её кисть была совсем хрупкой наощупь, кожа была неприлично гладкой. Она отодвинула мою руку, взяла ручку и ответила:

«Беликов не видит ничего в очках».

Я представил лицо Миры в них. Железная оправа, слегка смущенный взгляд и неизменный блокнот под рукой.

«Завтра будет лучше?»

Она начала закручивать один из своих локонов вокруг моего пальца. Её аккуратная грудь приподнималась и приопускалась, на теле выступили мурашки.

«Мне холодно» – написала она, бросила блокнот на пол и зарылась в меня.

Она так и не ответила на этот вопрос в ту ночь.

Все последующие встречи этот цикл почти в точности повторялся. Менялись только книги, позы и погода (стало ещё холоднее). Я не ощущал течения времени. Казалось, мы с Мирой застыли в нём, а остальной мир забыл про наше существование. Мы не хотели, чтобы он что-то помнил.

Всякий раз, ждя её на скамейке и постукивая зубами друг об друга, я думал, что она не придёт, что наш прошлый раз был последним. А я так и останусь сидеть, погребённый под вечными слоями плотного снега.

Она снова подошла тараканьей походкой.

Мы забылись около окна, облокотившись на выцветший подоконник. Река уже давно покрылась слоем льда, одинокий фонарь освещал угол улицы. Было морозно.

Мужчина прихрамывал через мост, потом остановился посередине. Посмотрел на ту сторону улицы, куда наше окно не дотягивалось. Переложил трость в левую руку и пошёл дальше, скрывшись в ночи.

«Почему именно я?» – красовалось под зачёркнутым тараканом.

«Глупый вопрос» – было написано ещё ниже.

Постепенно тишина перестала давить на меня так же сильно, как в нашу первую встречу. Мне даже нравилось почти непринуждённо молчать вместе с ней. И сейчас, стоя напротив ясной ночи, я ощущал эту тишину полностью. Понимал, что ни Мира, ни я не сможем прожить без неё и дня.

Если ты не разговариваешь так долго, мысли в голове начинают проходить через один и тот же процесс. Усталое Волнение, разрывающий Шторм и замыкающий Штиль. Я называл это «правилом моря».

«Штиль» – чиркнул я чуть ниже и пододвинул блокнот в

её сторону.

Её волосы были ещё слегка влажными после душа, я видел только очертания манящей фигуры.

Она медленно посмотрела вниз, стараясь разглядеть чернила в полутьме.

Вместо обычной её фразы, Мира начала бесцельно водить ручкой по листку, вырисовывая что-то похожее на комок, занявший всё свободное место.

Глаза налились неведомой мне тяжестью, я небрежно повалил её на пол и укрыл нас свисающим с кровати флисовым пледом. Я не видел её лица, но чувствовал, что она *плакала*. Обнял её сильнее, зажмурил глаза.

«Я здесь, рядом.»

«Расскажи мне, что ты чувствуешь.»

Но мои губы лишь открывались и закрывались. Чем больше я думал о том, как ей помочь, тем меньше было моё желание (и моя уверенность) сделать вообще что-нибудь. Мне казалось, скажи я любое ненужное слово, подобно слову чересчур волнующейся матери, оно порежет её сердце. Но она же не запрещала мне говорить, я сам принял правила игры! Могу ли я их нарушить...?

Мысли уводили меня куда-то в далёкое небо. Пока, шаг за шагом, Морфей снова не утащил нас в свои покои.

Утром я всегда просыпался один. Глаза слипались, в голове всё скисало, и только несчастный потолок встречал меня

своим бледным отражением света. Опять болела спина.

Деревянный паркет громоздко скрипнул подо мной, когда я потянулся.

Мне всегда нравилось ночевать у моей бабушки в её старой хрущёвке. Провонявший чем-то пыльным и мерзким подъезд. Маленькие бутылки из-под водки, пара окурков в углу. Испачканные стены в пролётах между этажами. И через всё это зловоние прорывался аромат духов и свежей выпечки, когда бабушка открывала мне дверь. Её маленькая прихожая, небольшая спальня и постоянно скрипящий паркет оставались тем крошечным светлым пятном в моей памяти, поэтому этот чужой скрип оставался чем-то родным.

Тишину нарушил звон разлетающихся осколков. Глиняная кружка стояла на самом краю столешницы, и я неудачно толкнул её, пока тянулся за водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.